ЦАРЬ ДАВИД, ЦАРЬ СИМЕОН И ВЕЩИЙ БОЯН[1]

Милена В. Рождественская (Петербург)

100 лет назад, в 1895 г. А. И. Яцимирский обнаружил в Кондрицком Свято-Николаевском скиту в Бессарабской губернии (в Молдавии) рукопись сер. XVII в., в которой была запись о книжной мудрости и о болгарском царе Симеоне как ценителе и собирателе святых книг /Яцимирский 1908:4/. Эта запись, восходящая к Похвале царю Симеону в "Изборнике 1073 г.", после публикации А. И. Яцимирского стала хорошо известна всем славистам: "**А сє многы цариє мѫдры бѣшѫ и книгы многы написашѫ**...". Далее называются царь Соломон, Ориген-еретик, Исидор Пелусиотский, Птоломей-книголюбец и Симеон, царь болгарский, который "**исписа многы книгы и ако Давидъ царь на златы струѵи (!) играшє, и книгы паче всєх любѣашє**". "В этой записи, - отмечал А. И. Яцимирский, - интересны последние слова, дающие известный намек на участие болгарского царя Симеона в составлении Златоструя" /Яцимирский 1908:4/. Вопрос этот - предмет давних научных споров, и сейчас мы не будем его касаться. Как на некоторую аналогию приведенной записи А. И. Яцимирский указал на Послесловие к "Златострую", изданное в исследовании В. Н. Малинина /Малинин 1878, 1910/: "**Сиа книгы Златострѫа нарєкьше, єльма жє Дѫха сватаго учениа, акы златыми струѵами человєкы сладкыми рѣчьми омываа... къ Богѫ приводит**". В 1980 г. вопрос о возникновении названия сборника "Златоструй" был разобран Пейо Димитровым /Димитров 1980:17-28; Томсън 1982:1-65/ и был сделан обзор всей предшествующей литературы. А. И. Яцимирский по этому поводу высказал предположение о русском происхожении записи в молдавской рукописи XVII в. В дальнейшем, рассматривая Похвалу царю Симеону в Изборнике и ее следы в средневековой славянской книжности, многие авторы обращались к записи в рукописи А. И. Яцимирского, но не ставили вопрос о ее происхождении. Однако, как кажется, никто не обратил специального внимания на то, что фраза "**А Симеон царь болгарскыи исписа многы книгы и ако Давидъ царь на златы струѵи играаше и книгы паче всего любѣаше**…" только внешне совпадает или, во всяком случае, приближается к текстам Похвалы Симеону и Послесловия к Златострую. Прямой аналогии в них нет. Правда, П. Димитров за-

[1] Работа выполнена при поддержке фонда „Культурная инициатива“.

метил, что в записи XVII в. переписчик невольно спутал слова "струны" и "струи". По нашему мнению, выражение "**ѩко Давидъ царь на златы стрꙋи играашє**" предполагает, конечно, не "струи", а "струны", и в первоначальном тексте этой записи, скорее всего, читалось именно "струны", о чем свидетельствуют предлог "на" и глагол "играаше". В других близких текстах сравнения Симеона с Давидом вообще нет. Так ли уж "невольно" переписчик спутал слова, и что стоит за этой путаницей?

Смешение слов "струны" и "струи" - не простая ошибка. Их образно-семантическую близость хорошо чувствовали древнеславянские переводчики, ориентирующиеся на текст Псалтири царя Давида. И.И.Срезневский в своем "Словаре" /Материалы для словаря...1912/ дал главное значение слова "струна" - "волос, упругая нить". В качестве примера И. И. Срезневский привел цитату из Псалтыри в майской Минее XII в.: "**ꙋстьнама движа ѩко жє стрꙋнами, ѩко брѫцаниємь ѩзыкомь движа**". Царь Давид - составитель и исполнитель псалмов под струнный аккомпанемент. Его речи, конечно, могли быть сладкими (ибо сладка премудрость!) и изливаться златыми струями. Но ведь такой характеристики Давида в записи молдавско-бессарабской рукописи нет. Однако запись находит очень близкое соответствие в двух других известных древнерусских памятниках: в "Слове на воскресение Лазаря" и в "Слове о полку Игореве". Эти аналогии позволяют подтвердить предположение о первоначальном чтении "струны" вместо "струи" в рукописи А.И.Яцимирского. Оба сочинения были сопоставлены между собой в небольшой заметке Боню Ангелова в 1983 г. /Ангелов 1983:89-92/. В ней автор опирается на комментарии "Словаря-справочника "Слова о полку Игореве" /Речник... 1967:82/, где составители приводят в качестве лексической и образной параллели к фрагменту "Слова о полку Игореве" о песнях "вещего Бояна" текст о царе Давиде из "Слова на воскресение Лазаря". Кроме упомянутого Б. Ангеловым А. Н. Пыпина, указавшего на эту параллель, ее отмечали И. Я. Порфирьев, И. Я. Франко, В. Н. Перетц, В. П. Адрианова-Перетц, И. П. Еремин. Б. Ангелов добавил сравнительный материал из "Слова на воскресение Лазаря" по спискам, не учтенным в свое время комментаторами "Словаря-справочника". Это списки "Слова" из собрания РГБ, ф. Ундольского No. 574 и 575, оба XVI в. и РНБ, собр. Погодина 871, нач. XVII в.

В качестве еще одной параллели к выражению "живые струны" "Слова о полку Игореве" болгарский исследователь привел "Задонщину". Мотив игры на гуслях, выраженный в сходных словах, отмечен автором как общий для трех древнерусских памятников: "Слова о полку Игореве", "Слова на воскресение Лазаря" и "Задонщины". Этот мотив присутствует и в "Предисловии" к Хронографу 1641 г., опубли-

кованном А. С. Деминым /Демин 1978:87-94/ и рассмотренным мною в 1987 г. /Рождественская 1987:190-194/. В "Предисловии" к Хронографу 1641 г. фразы об игре царя Давида на гуслях, в которых встречаем выражения "живые струны" и "многоочитая персты", восходят к упомянутым древнерусским памятникам. Б. Ангелов не рассматривал подробно совпадения во фразах об игре Давида, он был склонен считать образ играющего царя-певца общим для многих восточно и южнославянских памятников. С этой точки зрения в его статье были впервые сопоставлены "Слово о полку Игореве", "Слово на воскресение Лазаря", "Задонщина" и запись в молдавской рукописи А. И. Яцимирского. Попробуем рассмотреть их более внимательно. Повидимому, совпадение выражения "живые струны" или "златые струны" в разных текстах не случайно. Это выражение оказалось устойчивым, и то, что оно связало между собой имена царя Давида, царя Симеона и "вещего Бояна", свидетельствует о его многозначности.

Болгарского царя Симеона сближает с ветхозаветным Давидом то, что, во-первых, он - тоже царь, во-вторых, он тоже воплощает собой книжную Премудрость и его эпоха, эпоха царя Симеона, - это время расцвета болгарской книжности: царь Симеон осознает значение книжного знания для процветания страны. В третьих, подобно царю Давиду, "устроившему" Псалтирь и гусли, царь Симеон - предполагаемый переводчик и составитель книг[1].

Обратимся теперь к образу царя Давида. В памятниках древнерусского искусства царь и пророк Давид имеет еще одну черту. Играющим на струнах гусель в окружении фантастических (райских?) птиц и растений он изображается на фасадах владимиро-суздальских храмов Северо-Восточной Руси или на заставках древнерусских рукописей (в виде буквицы Д - добро) /Даркевич 1985:322-342/[2]. Этот Давид вызывает у исследователей и зрителей прежде всего логическую аналогию с "вещим Бояном" из "Слова о полку Игореве". В основе такого сближения лежит, конечно, образ поэта-певца-прорицателя, присущий и эпической (языческой по своему происхождению), и книжной (христианской) традициям. Соответственно, и мудрость этих певцов и прорицателей разная по сути своей: это мудрость земная и мудрость божественная, когда первая провидит конец одного человека, а второй ведом конец света. И тем не менее определенное сходство образов "вещего Бояна" и царя Давида очевидно и заслуживает более пристального внимания.

Расширив тот поневоле ограниченный материал, которым располагал Б. Ангелов, можно подтвердить текстовую связь между "Словом о полку Игореве", "Словом на воскресение Лазаря" и Задонщиной. Дело в том, что сходство фрагмента об игре вещего Бояна в "Слове о полку Игореве" с фрагментом о царе Давиде в "Слове на воскресение Лазаря" отмечали многие исследователи, но обычно это

сравнение "струнным эпизодом" и ограничивалось. Наши наблюдения показывают, что оба этих литературных текста связаны между собой более важными сюжетными, стилистическими и смысловыми связями /Рождественская 1992:157-164/, но сейчас нас интересует только одна из множества других параллелей: Боян и царь Давид. Напомню совпадающие в обоих текстах фрагменты, касающиеся только Бояна и Давида.

1. "Слово о полку Игореве": "**Боянъ же, братие, не і соколовь на стадо лебедѣй пущаше, но своя вѣщиа пръсты на живая струны въскладаше**"[3].

2. "Слово на воскресение Лазаря": "**Глаголаше Давыдъ: <...> накладая очитая < многоочитая > перьсты на живыя струны** (Пространная ред. по списку сер. XV в./ или "**оудари рѣче Давидъ в гусли и возложи перьсты своя на живыя струны и иныя накладая...**" (Краткая ред., по списку нач. XVI в./

3. Третий текст, включаемый в этот сравнительный ряд, - Задонщина. При сравнении с ним выясняется, что во фрагменте о "струнах" "Слово на воскресение Лазаря" ближе к Задонщине, чем к "Слову о полку Игореве". Рассмотрим совпадающие фразы.

Имя Бояна в Задонщине, как известно, сохранилось только в Кирилло-Белозерском списке, переписанным книгописцем Ефросином (1470 г.). Здесь персты Бояна названы "златыми", тогда как в других списках Задонщины встречается чтение "**горазныя**" (список Ундольского) и "**гораздыя**" (список И-1). В Синодальном списке вместо перстов читаются „**бѣлыя рѹци**". О. В. Творогов предположил, что "видимо, уже в архетипе Синодального извода этот эпизод подвергся правке: "гораздыя" персты были заменены "златыми", в С этот эпитет был перенесен на струны, а на место златых перстов стали фольклорные "**бѣлыя рѹци**" /Творогов 1966:316/. Автор Задонщины не передал всю полноту этого образа, отметив только быстроту передвижения пальцев Бояна по струнам. Эпитет "златой" присутствует в разбираемом фрагменте Задонщины еще в одном случае, когда златыми названы уже не персты, а струны в Синодальном списке. "**Накладает свои бѣлыя рѹцы а златыи струны**". Слова "живые" здесь вообще нет, тогда как во всех других списках Задонщины встречаем чтение "живыя струны", как и в "Слове о полку Игореве", и как во многих списках "Слова на воскресение Лазаря". Напомню, что в первых двух памятниках речь идет о Бояне, в третьем же - о пророке и царе Давиде.

Сочетание слов "златыя" и "живыя" в одной фразе, правда, по отношению к разным предметам ("златыя" персты и "живыя" струны) дает Кирилло-Белозерский (Ефросиновский) список Задонщины. Такое же сочетание, но примененное уже только к струнам (златыя и

живыя), встречаем в Пинежском списке 1533 г. "Слова на воскресение Лазаря: "**Тогда рѣче великый царь, пророкъ Давидъ, седѧ в преисподнемъ адѣ, накладаѧ многоочитыѧ перьсты на златыѧ и живыѧ струны**". Данное чтение в "Слове на воскресение Лазаря" индивидуально. Это и неудивительно, так как Пинежский список (ИРЛИ, Древлехранилище им. В. И. Малышева, собр. Пинежское No. 280. По нашему обозначению П2) вообще содержит ряд индивидуальных чтений. Он принадлежит к той группе списков Пространной редакции "Слова на воскресение Лазаря", которая полнее других отразила его архетипные черты. Пинежский список выделяется и в своей группе: переписчик использует особые источники, текст носит черты своеобразной "фольклоризации" и т.п. Можно поэтому предположить, что именно чтение Пинежского списка, вместе с текстом Задонщины, хотя в нем речь идет о Бояне, а не о Давиде, стало источником записи в молдавско-бессарабской рукописи А. И. Яцимирского.

Но не только фразы о перстах и струнах, а текст, сопровождающий этот фрагмент о пророке Давиде в "Слове на воскресение Лазара", обнаруживает параллели с Задонщиной, прежде всего по смыслу, по синтаксическому построению и по противопоставлению темы печали теме веселия. Сравним:

1. "Слово на воскресение Лазаря": "**Воспоим весело, дружино, днесь, а плачь отложивше, ѹтѣшимся**" (Краткая ред.); "**И воспоим пѣсни тихи и веселыѧ, о дрѹзи мои, днесь положим плачь и скорбь** (или: тугу и печаль), **но ѹтѣшимсѧ Господомь и Богомь нашимь** (Пространная ред.).

2. Задонщина: "**Снидемсѧ, братиѧ, и дрѹзи, и сыновѣ рѹскии, составим слово к словѹ, возвѣселим Рѹскѹю землю и возвѣрзем печаль на восточнѹю странѹ в Симовъ жрѣбий...**[4].

Итак, "**отложим (положим) печаль** (тугу, скорбь)" в первом случае; "**возвѣрзем печаль**" - во втором. Соответственно, "**воспоим весело; воспоим пѣсни тихи и веселыѧ; ѹтѣшимсѧ**" в первом примере; "**составим слово к словѹ, возвѣселим Рѹскѹю землю**" - во втором. Можно было бы привести еще ряд близких конструкций. Значит ли это, что автор Задонщины обращался как к источнику не только к "Слову о полку Игореве", но и к "Слову на воскресение Лазаря"? Не занимает ли последнее промежуточное положение между "Словом о полку Игореве" и Задонщиной? При ответе на этот вопрос необходимо учесть следующее: "Слово на воскресение Лазаря" обнаруживает столь явные параллели с сочинениями Климента Охридского, Кирилла Туровского, с кругом святоотеческой и апокрифической литературы на тему Воскресения и Сошествия во ад, что, кажется, нет сомнения в его раннем (рубеж XII-XIII вв.) происхождении. Более

того. Одним из важнейших мотивов "Слова о полку Игореве", которого нет в Задонщине (или он там отчетливо не выражен) является мотив Гибели/Воскресения /См. Гаспаров 1984/. Тот же мотив лежит в основе и "Слова на воскресение Лазаря".

Одним из проявлений типологической и смысловой близости двух "Слов" и явилась параллель: вещий Боян - пророк Давид. Боян и Давид связаны не только описанием их струнной игры. Оба наделены пророческим-провидческим даром: Давид томится в аду и предвещает рождение Христа и скорое спасение пленников. Оба - и Боян, и Давид - переходят мыслью от прошлого к настоящему и будущему, пересекая границы времени. Оба определяют композицию текстов, способ авторского повествования, их художественную систему. Воспринятые древнеславянскими книжниками как единый мифологический образ, они вместе с тем оба - поэты своего мира; Боян - мира языческих представлений, Давид библейско-христианской мудрости. В последующей русской литературной традиции образ псалмопевца Давида стал символом книжного поэта-гимнографа, а имя вещего Бояна уже в конце XVIII в. воспринималось скорее в эпическом плане, "как имя первого "барда" Древней Руси и как нарицательное обозначение древнерусских поэтов вообще" /Дмитриев 1985:52/.

Итак, вернемся к "струнам и струям". Предполагаемый А. И. Яцимирским русский источник записи о царе Симеоне в молдав-ской рукописи XVIII в.[6] следует искать в кругу трех древнерусских памятников: "Слова на воскресение Лазаря", "Слова о полку Игореве" и Задонщины. Смешение слов "струи" и "струны", конечно, не было случайной ошибкой писца. Зная конкретную фразу о царе Давиде, возлагавшем персты на "златыя струны", он сравнил с Давидом болгарского царя Симеона, в той или иной степени причастного к созданию "Златоструя". Он хорошо чувствовал эту игру смысловых оттенков близких по звучания слов.

Итак, перед нами процесс, когда один образ постепенно заменяется другим, теряя некоторые прежние функции и приобретая новые. Так, вещий Боян - это поэт, певец и языческий предсказатель; Давид - это поэт, певец, христианский (в средневековом восприятии) пророк и царь, несущий слово веры. Симеон это не певец и не пророк, но царь и насадитель христианской книжной премудрости. Поэтому нет ничего удивительного в том, что при описании Симеона "златые струны", этот атрибут певца, исчезли, и появились "златые струи" - эта аллюзия на "Златоструй".

БЕЛЕЖКИ

1. Вопрос о роли царя Симеона в составлении „Златоструя“ имеет обширную научную литературу, и мы сейчас его не рассматриваем. Совсем недавно болгарский ученый Рашо Рашев сопоставил царя Симеона по своей исторической миссии и территориально-политическим претензиям, по идее богоизбранности своего народа с библейским пророком Моисеем (царь Симеон - новый Моисей). См.: Рашев Рашо. Цар Симеон, пророк Мойсей и българският златен век. //1100 години Велики Преслав. Великопреславски научен събор (16-18 септември 1993 г.). Т. I. Шумен. 1995:55-73. Благодарю Елену Коцеву, указавшую мне на эту статью. Кстати, может быть рассмотрена еще одна параллель к образу царя Симеона как собирателя книг и покровителя книжного дела - это Ярослав Мудрый и знаменитая „Похвала книгам“ в „Повести временных лет“ под 1073 г.

2. Вспомним об образе соколиной охоты, сопровождающем Бояна во Вступлении „Слова“.

3. Текст „Слова“ цитируется по изданию: „Слово о полку Игореве“. Библиотека Поэта (Малая серия). Изд. четвертое. Ленинград. 1990:47-68.

4. Текст „Задонщины“ цитируется по изданию: Сказания и повести о Куликовской битве. Изд. подг. Л. А. Дмитриев и О. П. Лихачева. Ленинград. 1982:7-13. (В основу реконструкции положен список У).

5. А. И. Яцимирский предположил это на основании того, что имя царя Симеона сохранилось в Похвале только в рукописи РНБ, Кирилло-Белозерского собрания N 5/1082. 1445 г.

ЛИТЕРАТУРА

Ангелов 1983 — **Б. Ангелов**. За израза „Живыя струны“ в „Слове о полку Игореве“. В: *Език и литература*. Кн. 5.

Гаспаров 1984 — **Б. М. Гаспаров**. Поэтика „Слова о полку Игореве“. Wien.

Даркевич 1985 — **В. П. Даркевич**. Музыканты в искустве Руси и вещий Боян. В: „Слово о полку Игореве“ и его время. Сб. ст. М.

Демин 1978 — **А. С. Демин**. „Слово о полку Игореве“ и предисловие к „Хронографу“ 1641 г. В: „Слово о полку Игореве“. Памятники литературы и искуства XI-XVII веков. М.

Димитров 1980 — **П. Димитров.** Около предисловието и названието на „Златоструй“. В: *Език и литература*. N 2.

Дмитриев 1985 — **Л. А. Дмитриев**. Литературная судьба „Слова о полку Игореве“. В: „Слово о полку Игореве“. Библиотека Поэта (Большая серия). Л.

Малинин 1878 — **В. Н. Малинин**. Исследование Златоструя по рукописи XII в. Имп. Публичной библиотеки. Киев.

Малинин 1910	**В. Н. Малинин**. Десять слов Златоструя XII. Спб.
Материалы... 1912	Материалы для словаря древнерусского языка. Труд И. И. Срезневского. Т. 3. Р-М. Спб.
Рождественская 1987	**М. В. Рождественская**. Об одной записи к „Зерцалу богословия“ Кирилла Транквиллио-на. В: Исследования по древней и новой лите-ратуре. Л.
Рождественская 1992	**М. В. Рождественская**. „Слово на Лазарево воскресение“ в его отношении к „Слово о полку Игореве“. В: Русская и грузинская средневековые литературы. Тбилиси.
Речник... 1967	Словарь-справочник „Слова о полку Игореве“. Сост. В. Л. Виноградова. Вып. 2. (Д - копье). Л.
Творгов 1966	**О. В. Творгов**. „Слово о полку Игореве“ и „Задонщина“. В: „Слово о полку Игореве“ и памятники Куликовского цикла. К вопросу о времени написания „Слова“. М-Л.
Томсън 1982	**F. Thomson**. Chrysostomica paleoslavica. A preliminary study of the sources of the Chrysorrhoas (Zlatostruj) collection. In: Cyrillomethodianum VI. Thessalonique.
Яцимирский 1908	**А. И. Яцимирский**. Мелкие тексты и заметки по старинной славянской и русской литературам. Вып. 1. Спб.